

Глава 1

Американо со сливками

Посетители кофейен делятся на две группы: те, кто любит кофе, и те, кто должен любить.

Этот нехитрый вывод я сделала за год работы в кофейне. И неплохо научилась различать и тех и других. Хозяйка, Мария Январовна, часто в шутку говорит, что у меня талант: я умею без слов понять, в какой манере стоит обслужить того или иного клиента. Быть бодрой и улыбчивой, спросить о настроении и пожелать удачного дня или молча и быстро выполнить заказ.

Но на самом деле я просто понимаю, кто передо мной: настоящий любитель кофе или тот, которому любовь к нему диктует статус.

Вот, например, девушка в углу кофейни за одностольным столиком. Пока я убираю с прилавка печенье, украдкой наблюдаю за единственной поздней посетительницей. Она здесь не впервые, заглядывает на протяжении нескольких месяцев. Поначалу брала капучино, а потом вдруг призналась, что обожает чистый черный кофе, но обычно он так откровенно плох в кофейнях, что приходится выбирать что-то с молоком. Не с первого раза, но я научилась варить так, как ей нравится, и сейчас девушка неспешно попивает американо с кусочком трюфеля и явно наслаждается жизнью.

А завтра утром придет мужчина. Закажет, как обычно, на бегу американо без сахара и сливок — и унесется на работу. Там, в мире офисной суеты и представительских расходов, черный кофе с утра — практически символ успешного мужчины. Мне нравится тайное знание об этом посетителе: он ненавидит кофе.

Нет, он не признался в этом лично. То, как он морщился от первого глотка, вполне можно было принять за особенность мимики или привычку. Но как-то раз (единственный в жизни) я перепутала заказы, и бедолаге достался какао с маршмеллоу. То, как посветлело его лицо после глотка, стало одним из самых ярких моих впечатлений на работе.

— Извините, я сейчас все исправлю! — Тогда я ужасно испугалась.

Но мужчина тепло улыбнулся:

— Не стоит. Говорят, чтобы создавались новые нейронные связи, иногда нужно экспериментировать.

И вместо привычного хмурого отрывистого «спасибо» — подмигнул.

Он, конечно, не отказался от образа строгого начальника, начинающего день с черного кофе, но когда моя смена выпадает на выходные, заходит — и я без слов делаю ему какао с горсткой белых воздушных зефирок. Это наш общий секрет.

Глядя на большие часы над стойкой, я с тоской отсчитываю оставшееся до конца смены время. Сегодня выручка совсем скромная. Кажется, если напрягу память, я даже смогу без подглядывания в кассу перечислить все покупки с обеда, когда началась моя смена. Хорошо, что Мария Январовна платит фиксированную ставку за смену, а не процент от выручки. В последние месяцы мне особенно неудобно получать зарплату, зная, как тяжело идут дела у кофейни. Ближится Новый год, клиенты все чаще отказываются от ежедневных радостей, помня о тратах на подарки и грядущих выходных длиной почти в десять дней.

А еще с появлением крупных сетей в городе такие места, как «Магия кофе», опустели.

Сетевые кофейни могут позволить себе лучшие помещения, лучшие цены, лучшую рекламу. Они раздают листовки, разыгрывают промокоды, набирают подписчиков в соцсетях, снимают ролики — словом, делают все, чтобы к ним приходили не только за кофе, но и за лайками.

щедрых чаевых тех, кто забегает по пути на важную встречу и верит, что удача рождает удачу.

Это, кстати, написано на специальной табличке рядом с банкой для чаевых. В кофейнях их оставляют редко, но, бывает, мне везет.

Однако сегодня не такой день. В банке рублей тридцать, не больше, в кассе — едва наберется даже на зарплату, не говоря уже о какой-то прибыли или, например, закупке фильтр-пакетов, которые стремительно заканчиваются.

Поэтому когда за считанные минуты до закрытия заходит какой-то парень, я оживляюсь, готовая угодить любым его кофейным капризам, несмотря на усталость. Дома ждут уроки и домашние дела, но за «Магию кофе» у меня болит душа не меньше, чем за собственные оценки.

— Добрый вечер, что я могу вам предло...

Я осекаюсь на половине фразы, потому что сразу узнаю вошедшего.

И пусть с нашей последней встречи прошло много лет, я никогда не забуду светловолосого высокого парня с нахальной ухмылкой и пронзительными янтарными глазами. Он — мой кошмар и злейший враг, он — воплощение того, что я ненавижу в парнях. У всех моих подруг есть мечта об идеальном парне, а у меня — мечта, чтобы такой, как Андрей Лукин, никогда больше не появлялся в моей жизни.

Но все же он стоит передо мной.

Узнал.

Сердце пропускает удар, и я невольно морщусь. В его глазах вспыхивает знакомый огонек: реакция Лукину не нравится.

— Американо со сливками, — небрежно бросает он. — Поживее.

— Повезливее! — вспыхиваю я.

Андрей насмешливо переводит взгляд на почти пустую банку с чаевыми, протягивает руку и издевательски звенит редкими монетами.

— Неудивительно, что у вас здесь никого. Тыква, ты совсем не изменилась.

Стиснув зубы, я отворачиваюсь, чтобы приготовить его чертов кофе. Это его «тыква» — как привет из прошлой жизни, когда нескладная, бедно одетая рыжеволосая девочка с брекетами была предметом для издевательств обласканного родительскими деньгами мальчишки.

Она давно уже не носит брекететы, а ярко-рыжие волосы потемнели и красиво отливают медью, но Лукин словно не заметил прошедших лет. И это неожиданно больно бьет под дых.

— Американо. — Я ставлю на прилавок стаканчик.

— Я просил со сливками. Ты что, так и не научилась нормально читать? Или все еще сидишь в пятом классе?

— А тебя что, отпустили из зоопарка на каникулы?

Я лью в стаканчик сливки прямо из пакета, не забываясь о граммовках.

— Они безлактозные? — продолжает издеваться Андрей.

— У нас нет безлактозных сливок. Зато есть туалет. Можешь пить на всякий случай прямо там. С тебя сто пятьдесят рублей. Оплата картой или наличными?

— Запиши на мой счет.

— Вот еще! Ты не в деревне, Луковая Башка, плати, иначе я вызову охрану!

Он демонстративно отпивает кофе, кривится и складывает руки на груди, глядя с вызовом, мол, ну? Давай, вызывай!

Я заставляю себя выдохнуть. На нас уже пялится девушка, заинтересованная скандалом. Не хватало еще, чтобы услышала хозяйка. За такие разговоры с клиентом меня не похвалят, а если Лукин еще оставит отзыв... Впрочем, о чем я? Конечно, он оставит! И останется только верить в то, что Мария Январовна поверит мне, а не ему.

— Я серьезно, Луковая Башка, оплачивай заказ! Это, между прочим, уголовное преступление. Хотя от тебя другого и не ждешь.

— Ты уволена, Тыква, — глядя мне прямо в глаза, без тени смущения говорит Лукин.

Я замираю, все еще сжимая пакет со сливками.

— Чего?! Ты головой ударился? Эй, может, тебе не рассказали, балде необразованной, но Земля вращается вокруг Солнца, а не вокруг тебя. Ты не можешь меня уволить. Но помечтать, так и быть, разрешаю.

— Вообще-то могу. И ты уволена.

— Что у вас здесь происходит?

Конечно, громкий разговор привлек внимание хозяйки, но я даже рада ее появлению. Сейчас Лукину

поправят корону, объяснят, что никого увольнять не собираются, и с чувством морального удовлетворения я продолжу убираться за стойкой.

Но Андрей, к моему удивлению, отставляет стаканчик в сторону и наклоняется, чтобы обнять Марию Январовну.

— Андрюша, приехал! А чего не позвонил? Я бы встретила!

— Да зачем? Есть же такси. Быстрее и проще.

— Голодный? Подожди десять минут, я сумку возьму, поедем домой. Алечка закроет кофейню, да, Аль?

— Кажется, нет... — тихо бормочу я. — Алю только что уволили.

Хозяйка недоуменно смотрит на парня, затем на меня.

— Не поняла. Что значит уволили? Андрюш, ты чего? Алька хорошая. Что, кофе не понравился? Да она устала просто, она с обеда на ногах! Аль, что случилось?

Я словно не слышу и неотрывно смотрю на Лукина.

— Ты что...

— Здесь хозяин. Удивлена? Ну, давай, извиняйся. Посмотрим, насколько сильно тебе хочется сохранить работу.

— Андрей! — возмущенно трясет головой Мария Январовна, но я уже резкими рваными движениями снимаю фартук, бросаю его на стойку и окидываю Лукина холодным презрительным взглядом.

— Фильтр-пакеты закончились, — говорю я. — Не забудь купить, а то тебе напишут плохой отзыв.

И с этими словами уйду. Мне хочется, как в кино, красиво хлопнуть входной дверью и унести по заснеженной улице прочь, но реальность редко похожа на фильмы. В подсобке моя сменная обувь и одежда, в кедах в ноябре не побегаешь.

Даже если очень хочется как можно скорее оказаться подальше от кошмара наяву.

Шесть лет назад

— Раз-два-три, елочка, гори!

Сегодня я безоговорочно счастлива. На мне нарядное белое платье в пол, бабушка корпела над ним целый месяц. Оно по-настоящему роскошное: подол оторочен серебристой мишурой, а воротник точь-в-точь как у Снежной королевы. Вокруг все сверкает, и в воздухе витает запах мандарин.

А дома уже стоит елка, и, если мне повезет, бабушка разрешит нарядить ее перед сном. Тогда я буду засыпать, любуясь огнями старой советской гирлянды, еще из бабушкиной молодости. И мечтать, что однажды у меня будет огромный дом и елка в нем — как в кино. Пушистая, высоченная, с блестящими игрушками и огоньками. Не такая, как в школе, щедро украшенная поделками, хотя и эта сейчас хороша.

Прошлый Новый год я не запомнила, уж очень грустный он получился. И в этом бабушка расстаралась. Сейчас я чувствую себя принцессой, ловлю завистливые взгляды одноклассниц и с нетерпением жду главного события праздника — подарков.

И вот Дед Мороз под детские аплодисменты выходит из подсобки и нарочито громко смеется, приветствуя пятиклассников. Я с интересом оглядываюсь, размышляя, узнали ли они в широкоплечей фигуре Влад Сеича — физрука.

Я-то давно знаю, что никакого Деда Мороза нет, а подарки под елку кладут родные, но разве такая незначительная мелочь может испортить лучший праздник на свете?

— Ну, кто расскажет дедушке стишок? В моем мешке мно-о-ого подарков. Ну же, ребята, не стесняйтесь, я пределал долгий путь с самого севера!

Кто-то толкает меня в спину и издевательски шепчет:

— Иди, тыква мороженая!

Лукин. Я мысленно закатываю глаза. До последнего надеялась, что он не придет. Его лучший друг говорил, Лукин болеет.

Я никогда не отличалась смелостью, но сейчас на меня смотрит весь класс, и ничего не остается, как сделать неуверенный шаг к елке.

Раздается оглушительный треск.

Я с ужасом смотрю на порванное платье, безобразный грязный след ботинка на белоснежной ткани. А потом слышу оглушительный смех: весь класс веселит неприлично оторвавшийся подол.

Мне хочется зарыдать, но вместо этого я сжимаю кулаки и двигаюсь на Андрея, намереваясь задать ему трепку. С самого начала года он издевается надо мной, и порванное платье — последняя капля!

Такие, как Лукин, всегда выбирают себе жертву, чтобы на ее фоне казаться лучше. Сколько испорченных тетрадей на моем счету! Сколько потерянных пеналов. За портфель, на котором Лукин с друзьями катались с горки, крепко отругала бабушка, а теперь новое, красивое платье испорчено. Я знаю, как долго бабушка откладывала деньги на ткань и как трудно нам приходится вдвоем, и мне еще обиднее, чем раньше.

А гад улыбается. С вызовом лыбится мне в лицо, повторяя унижительное прозвище Тыква. Как будто я выбирала эти непослушные рыжие пакли!

Чувствуя, как внутри волной поднимается ярость, заглушающая слабые попытки учительницы меня успокоить, я бросаюсь вперед, сбивая Лукина с ног. Вокруг раздается новый взрыв хохота, картинка очень комичная: мелкая рыжая девчонка с оторванным подолом и главный школьный любимчик Лукин катаются по полу, царапаясь, кусаясь и пинаясь.

— Прекратите! Немедленно прекратите! Тимошина! Лукин! — суетится вокруг учительница.

Но это тот момент, когда вспыхнувшая с первых школьных дней ненависть превратилась в борьбу за существование. Я знаю: от победы зависит вся школьная жизнь.

— ХВАТИТ! — раздается громогласный вопль физрука. — НЕМЕДЛЕННО ПРЕКРАТИТЬ!

Одним движением он ставит нас по разным сторонам.